

Гражданская жена Окуджавы
Наталья ГОРЛЕНКО:

РАДИ ЛЮБВИ Я БРОСИЛА

Наталья Горленко.

20 лет назад в августе Окуджавы написал «Песенку Изабеллы», прозвучавшую в кинофильме «Капитан Фракасс», и одну из самых любимых своих песен - «А юный тот гусар, в Наталию влюбленный, он все стоит пред ней коленопреклоненный...». Мы решили встретиться с той, кому поэт (в мае Окуджаве исполнилось бы 80 лет) посвятил обе эти песни

столько мощное, что я пропала сразу!

- Но пропасть можно, допустим, на неделю, а потом происходит отрезвление, - возразила я.

- Увы, неделя длилась годы! Чувство со временем меняется, но когда только становится глубже - это уже не шутки. И хочешь излечиться от этой болезни, да не можешь. У нас была такая ситуация, взаимная.

Поэтому все эти разговоры: «Давай расстанемся»... Легко сказать.

Да и вообще понять невозможно, что это за чувство, почему оно такое огромное. Он влюбился. Сразу. Я тоже.

- Он любил какой-то определенный тип женщин?

- Ему нравились женщины с польским шармом. Скуластые, глазастые, скажем так. У меня бабушка полька...

У меня даже есть сборник его стихов, который он написал так: «Наташе с надеждой, что она когда-нибудь споет это по-польски». Это было в начале нашего знакомства...

«Я пропала сразу»

...Дверь открылась, и зазвонили колокольчики, запахло травами, от потока ветра зашевелились листья диковинных растений и подвешенные всюду на веревочках старинные амулеты. Меня встретила миниатюрная женщина в сарафане - Наталья Горленко, актриса, певица, композитор, поэт...

И, усадив за необычно сервированный стол, начала рассказ.

- Так получилось, что, хотя я родом с раннего детства, родители категорически возражали, чтобы пение стало профессией. И я поступила в МГИМО, изучала испанский язык, пела в ансамбле «Гренада», много выступала. А потом устроилась на работу в Институт советского законодательства. И вот однажды захожу в кабинет, а на моем стуле сидит Булат и общается с нашими девушками! Он должен был давать в институте концерт и просто зашел пообщаться. Я была его поклонницей, любила петь его песни, а тут впервые увидела его так близко... После концерта коллеги меня просто вытолкнули за ним: «Дура, догони! Тебе это нужно!»

Я не то чтобы побежала, а так раздумчиво шла... Он меня увидел, обрадовался: «Куда вам ехать?» А я сказала: «Меня ждут». Меня действительно ждал муж...

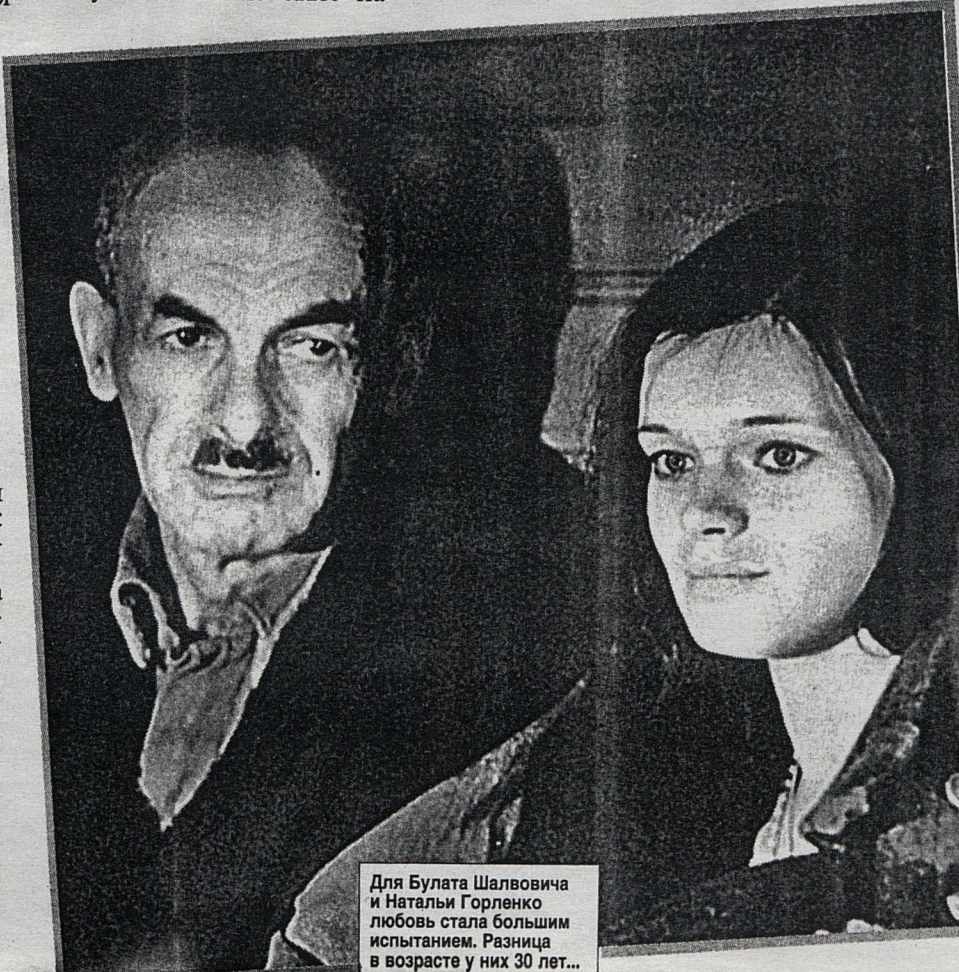
Потом у меня в жизни произошло много тяжелых событий. Я металась между защитой диссертации в аспирантуре и сценой. Диссертацию я все-таки защитила, и на следующий день ушла в декрет. Думала, рожу, и это будет решением всех проблем. Но ре-

бенок сразу после родов умер... Рана в душе не затягивалась... Ровно через пять месяцев после этого я позвонила Булату. Мы встретились. В Доме литераторов. И в конце встречи говорили уже чуть ли не как родные.

- Про свою трагедию вы ему рассказали?

- Да. Я думаю, ему легко было понять меня, потому что он сам потерял первого ребенка - девочку в первом браке от жены Галины.

Мы вообще вскоре стали рассказывать друг другу все. У Булата обаяние было на-

Для Булата Шалвовича и Натальи Горленко любовь стала большим испытанием. Разница в возрасте у них 30 лет...

- Вы встречались с Окуджавой, когда еще были замужем?

- Да. Муж был порядочный, любящий, преданный. Латиноамериканец, занимался внешней политикой. Я бы, наверное, не решилась с ним расстаться, если бы не это просто тотальное чувство к Булату.

У меня в жизни не было роднее его! О своей любви мужу я сказала перед разводом. Мы объяснились. Было нелегко. Бросать человека - это очень трудно.

- А Окуджаву не смог бросить ради вас жену?

- Почему? Он это делал. Просто мы оба как-то долго сомневались. Разница в возрасте, всякие комплексы, ну много всего! Я не хотела травм. Не хотела, чтобы он от жены уходил. Очень все это на меня давило... Но он ушел. Приходил, возвращался. Но это все очень личное!

- А с его женой у вас были конфликты?

- Были. Вообще все было очень трагично и непросто. Он тяжело это переживал. И все мы, участники этой драмы. Чувство вины и ко мне, и к жене. При его совестливости это был очень непростой, тяжелый случай...

Вместе с Булатом мы были плотно почти пять лет. Потом расстались на семь лет. Но я чувствовала его на любом расстоянии! В этот период много ездила с гастролями за рубеж, в Америку, Европу. Пела. А

через семь лет встретились и будто не было разлуки.

- А кто первый позвонил?

- Я.

«Он был как мальчишка»

- У Окуджавы до встречи со мной был очень большой творческий перерыв, восемь лет он вообще не писал - ни песен, ни стихов. Когда мы соединились, у него стали рождаться прекрасные стихи, экспромты, просто фонтан! ...Булат очень критически к себе относился. Иногда шутил ворчливо, если мне устраивали овацию: «После Горленко хоть не выходи!» Но чувствовалось, что ему было приятно.

Умел очень элегантно охладить пыл слишком уж разгоряченных поклонников после концерта. Так это невзначай, но внятно спросить: «Птичкин, ключи у тебя или у меня?» И становилась очевидной вся бесперспективность...

Мы с концертами исколесили всю страну: Питер, Сибирь, Харьков, Таллин, Баку, Крым... Самолеты, поезда, машины. Он прекрасно водил! Ритм жизни был бешеный. Булат, несмотря на свой возраст, просто летал, как мальчишка! И после каждого выступления обязательно устраивал себе проработку: что не так. Он меня очень дисциплинировал.

- Он любил работать ночью или утром?

- Он часто говорил: «День для любви, ночь для сна».

- Он был главой семьи?

Из письма Булата Окуджавы Наталье Горленко:

«Дорогой Птичкин! (так поэт называл Наташу. - Прим. ред.) В больничной суете выкроил времечко и сочинил стих, который начался с воспоминания, как ты пела романс по моей просьбе, а я в тебя устался. Вот, оказывается, как бывает, как случайная ситуация отражается в памяти, и там начинается какой-то таинственный процесс, и в результате являются стихи. Мне кажется, что они удались, и я надеюсь, что они явятся началом маленького подъема».

СТАРЫЙ РОМАНС

Когда б Вы не спели тот старый романс, Я верил бы, что проживу и без Вас, И Вы бы по мне не печалились

и не страдали.

Когда б Вы не спели тот старый романс, Откуда нам знать, кто счастливей из нас? И наша фортуна завиднее стала б

едва ли?..

Когда б Вы не спели тот старый романс, Я умер бы, так и не зная о Вас, лишь черные даты в тетради души проставляя.

К БУЛАТУ МУЖА

Окуджава
с женой Ольгой.
Поэт умирал
на руках жены
в Париже,
где лечился.

- Ну, он мужчина! Хотя и поэт... Это особое качество. Ему нравилось, что я в нем так... растворяюсь. Он чувствовал себя на коне! В нем было такое сильное начало, азиатское.

- А как он о вас заботился?

- Он все-таки грузин... умел цветы подарить, сделать комплимент. Был исключительно обаятельным. Взгляды, улыбки... Все было настолько потрясающее, индивидуальное! Выдумал какого-то Сысоева - человека, к которому он меня ревновал, которого вообще не было на свете. Широкоплечий кандидат наук, чемпион мира по сбору грибов... (смеется). И, когда он писал мне, передавал этому Сысоеву приветы, рисовал картинки, как Сысоев меня обольщает!

Самое главное - это тяга за предельная друг к другу, что-то просто быть рядом, слу-

шать друг друга. Все это было с какой-то жадностью.

Самое большое счастье - общение с любимым человеком, растворение в нем, дарение ему себя, взаимопроникновение. А если просто страсть ниже пояса, то это, кроме опустошения и горечи, ничего не

приносит. А если и то, и это, и все выше, и теснее - то это величайшее счастье! Мы очень чувствовали друг друга даже на расстоянии. Нам снились одни и те же сны...

...Он был осторожным человеком и опытным. Предчувствовал какие-то мои по-

рывы. Руководил тихо, исподволь, так что я только потом догадывалась об этом.

Мы любили дарить друг другу подарки. Какие-то камушки, шкатулки, книги. Вот золотая роза из магазина странных вещей в Париже... Он тонко чувствовал красоту,

не терпел неопрятности. У него была любимая поговорка: «Нельзя обнять неопрятного». Придавал колоссальное значение тому, как накрыт стол и какая женщина хозяйка. Любил, чтобы было чисто, красиво накрыто...

Анна ВЕЛИГЖАНИНА.

Я умирала вместе с ним

- После его смерти вы вышли замуж. Это не было предательством, может быть, смешно звучит...

- Это смешно и не смешно. Замуж я вышла при его жизни, больше чем через год после нашего расставания. Казалось, так будет легче перенести разлуку. Надо было продолжать жить и ему, и мне.

- А у вас сейчас есть семья?

- С мужем я развелась. Сыну 17 лет. Когда Булат умер, ему было десять.

- Насколько я знаю, Булат Шалвович остался с женой...

- Да. Но я плохо себя представляю, честно говоря, в роли его официальной вдовы... Я такая непрактичная! К тому же концерты, гастроли. А тут такая ноша. С ней справляется его вдова Ольга.

- Вы с ней общаетесь?

- Практически нет.

- А с его сыном?

- Общалась с первым сыном Игорем,

который умер. Он мои песни даже записывал.

- В последний год своей жизни Окуджава был не с вами. И умирал на руках жены в Париже, где лечился.

- Но я умирала вместе с ним! В физическом плане. Была «Скорая». Я еле выжила... А потом узнала, что умер Булат. Я очень тяжело переносила его смерть. Мне стало значительно легче после того, как его опустили в землю... Сейчас он для меня абсолютно живой.

Я чувствую, как он отнесся бы к тому или иному моему поступку. Я думаю о нем, чувствую его присутствие! Он просто часть меня!

«Я пропала сразу»

Дверь открылась, и зазвонили колокольчики, запахло травами, от потока ветра зашевелились листья дикорастущих растений и подвешенные всюду на веревочках старинные амулеты. Меня встретила миниатюрная женщина в сарафане — Наталья Горленко, актриса, певица, композитор, поэт...

И, усадив за необычно сервированный стол, начала рассказ.

— Так получилось, что, хотя я пою с раннего детства, родители категорически возражали, чтобы пение стало профессией. И я поступила в МГИМО, изучала испанский язык, пела в ансамбле «Гренада», много выступала. А потом устроилась на работу в Институт советского законодательства. И вот однажды захожу в кабинет, а на моем стуле сидит Булат и общается с нашими девушками! Он должен был давать в институте концерт и просто зашел пообщаться. Я была его поклонницей, любила петь его песни, а тут впервые увидела его так близко... После концерта коллеги меня просто вытолкнули за ним: «Дура, догони! Тебе это нужно!»

Я не то чтобы побежала, а так раздумчиво шла... Он меня увидел, обрадовался: «Куда вам ехать?» А я сказала: «Меня ждут». Меня действительно ждал муж...

Потом у меня в жизни произошло много тяжелых событий. Я металась между защитой диссертации в аспирантуре и сценой. Диссертацию я все-таки защитила, и на следующий день ушла в декрет. Думала, рожу, и это будет решением всех проблем. Но ре-

бенок сразу после родов умер... Рана в душе не затягивалась... Ровно через пять месяцев после этого я позвонила Булату. Мы встретились. В Доме литераторов. И в конце встречи говорили уже чуть ли не как родные.

— Про свою трагедию вы ему рассказали?

— Да. Я думаю, ему легко было понять меня, потому что он сам потерял первого ребенка — девочку в первом браке от жены Галины.

Мы вообще вскоре стали рассказывать друг другу все. У Булата обаяние было на-

туация, взаимная. Поэтому все эти разговоры: «Давай расстанемся»... Легко сказать.

Да и вообще понять невозможно, что это за чувство, почему оно такое огромное. Он влюбился. Сразу. Я тоже.

— Он любил какой-то определенный тип женщин?

— Ему нравились женщины с польским шармом. Скуластые, глазастые, скажем так. У меня бабушка полька...

У меня даже есть сборник его стихов, который он написал так: «Наташе с надеждой, что она когда-нибудь споет это по-польски». Это было в начале нашего знакомства...

Просто мы оба как-то долго сомневались. Разница в возрасте, всякие комплексы, ну много всего! Я не хотела травм. Не хотела, чтобы он от жены уходил. Очень все это на меня давило... Но он ушел. Приходил, возвращался. Но это все очень личное!

— А с его женой у вас были конфликты?

— Были. Вообще все было очень трагично и непросто. Он тяжело это переживал. И все мы, участники этой драмы. Чувство вины и ко мне, и к жене. При его совестливости это был очень непростой, тяжелый случай...

Вместе с Булатом мы были плотно почти пять лет. Потом расстались на семь лет. Но я чувствовала его на любом расстоянии! В этот период много ездила с гастролями за рубеж, в Америку, Европу. Пела. А

ли овацию: «После Горленко хоть не выходи!» Но чувствовалось, что ему было приятно.

Умел очень элегантно охладить пыл слишком уж разгоряченных поклонников после концерта. Так это незначай, но внятно спросить: «Птичкин, ключи у тебя или у меня?» И становилась очевидной вся бесперспективность...

Мы с концертами исколесили всю страну: Питер, Сибирь, Харьков, Таллин, Баку, Крым... Самолеты, поезда, машины. Он прекрасно водил! Ритм жизни был бешеный. Булат, несмотря на свой возраст, просто летал, как мальчишка! И после каждого выступления обязательно устраивал себе проработку: что не так. Он меня очень дисциплинировал.

— Он любил работать ночью или утром?

— Он часто говорил: «День для любви, ночь для сна».

— Он был главой семьи?

Из письма Булата Окуджавы Наталье Горленко:

«Дорогой Птичкин! (так поэт называл Наташу. — Прим. ред.) В больничной суматохе выкроил времечко и сочинил стих, который начался с воспоминания, как ты пела романс по моей просьбе, а я в тебя устался. Вот, оказывается, как бывает, как случайная ситуация отражается в памяти, и там начинается какой-то таинственный процесс, и в результате являются стихи. Мне кажется, что они удались, и я надеюсь, что они явятся началом маленького подъема».

СТАРЫЙ РОМАНС

Когда б Вы не спели тот старый романс, Я верил бы, что проживу и без Вас, И Вы бы по мне не печалились

и не страдали. Когда б Вы не спели тот старый романс, Откуда нам знать, кто счастливей из нас? И наша фортуна завиднее стала б

едва ли?.. Когда б Вы не спели тот старый романс, Я умер бы, так и не зная о Вас, лишь черные даты в тетради души проставляя.

Для Булата Шалвовича и Натальи Горленко любовь стала большим испытанием. Разница в возрасте у них 30 лет...

20 лет назад в августе Булат написал «Песенку Изабеллы», прозвучавшую в кинофильме «Капитан Фракасс», и одну из самых любимых своих песен — «А юный тот гусар, в Наталью влюбленный, он все стоит перед ней коленопреклоненный...». Мы решили встретиться с той, кому поэт (в мае Окуджаве исполнилось бы 80 лет) посвятил обе эти песни

Я БРОСИЛА

— Вы встречались с Окуджавой, когда еще были замужем?

— Да. Муж был порядочный, любящий, преданный. Латиноамериканист, занимался внешней политикой. Я бы, наверное, не решилась с ним расстаться, если бы не это просто тотальное чувство к Булату.

У меня в жизни не было роднее его! О своей любви мужу я сказала перед разводом. Мы объяснились. Было нелегко. Бросать человека — это очень трудно.

— А Окуджаву не смог бросить ради вас жену?

— Почему? Он это делал. Просто мы оба как-то долго сомневались. Разница в возрасте, всякие комплексы, ну много всего! Я не хотела травм. Не хотела, чтобы он от жены уходил. Очень все это на меня давило... Но он ушел. Приходил, возвращался. Но это все очень личное!

— А с его женой у вас были конфликты?

— Были. Вообще все было очень трагично и непросто. Он тяжело это переживал. И все мы, участники этой драмы. Чувство вины и ко мне, и

через семь лет встретились и — будто не было разлуки.

— А кто первый позвонил?

— Я.

«Он был как мальчишка»

— У Окуджавы до встречи со мной был очень большой творческий перерыв, восемь лет он вообще не писал — ни песен, ни стихов. Когда мы соединились, у него стали рождаться прекрасные стихи, экспромты, просто фонтан! Булат очень критически к себе относился. Иногда шутил ворчливо, если мне устраивали овацию: «После Горленко хоть не выходи!» Но чувствовалось, что ему было приятно.

Умел очень элегантно охладить пыл слишком уж разгоряченных поклонников после концерта. Так это незначай, но внятно спросить: «Птичкин, ключи у тебя или у меня?» И становилась очевидной вся бесперспективность...

Мы с концертами исколесили всю страну: Питер, Сибирь, Харьков, Таллин, Баку, Крым... Самолеты, поезда,

столько мощное, что я пропала сразу!

— Но пропасть можно, допустим, на неделю, а потом происходит отрезвление, — возразила я.

— Увы, неделя длилась годы! Чувство со временем меняется, но когда только становится глубже — это уже не шутки. И хочешь излечиться от этой болезни, да не можешь. У нас была такая ситуация, взаимная.

Поэтому все эти разговоры: «Давай расстанемся»... Легко сказать.

Да и вообще понять невозможно, что это за чувство, почему оно такое огромное. Он влюбился. Сразу. Я тоже.

— Он любил какой-то определенный тип женщин?

— Ему нравились женщины с польским шармом. Скуластые, глазастые, скажем так. У меня бабушка полька...

бенок сразу после родов умер... Рана в душе не затягивалась... Ровно через пять месяцев после этого я позвонила Булату. Мы встретились. В Доме литераторов. И в конце встречи говорили уже чуть ли не как родные.

— Про свою трагедию вы ему рассказали?

— Да. Я думаю, ему легко

«Я пропала сразу»

Дверь открылась, и зазвонили колокольчики, запахло травами, от потока ветра зашевелились листья дикорастущих растений и подвешенные всюду на веревочках старинные амулеты. Меня встретила миниатюрная женщина в сарафане — Наталья Горленко, актриса, певица, композитор, поэт...